

Е. В. Никкарева

Теоретическое осмысление романского жанра в русском литературоведении XVIII – начала XIX в.

Изучение маргинальных жанров русской поэзии на сегодняшний день является одной из первоочередных задач литературоведения, поскольку их развитие оказало непосредственное влияние на формирование "mainstream", но и сами они развивались, испытывая влияние магистральных жанров. Наша работа, развивающаяся в русле жанрологических исследований С. Я. Сендеровича, Ю. Н. Чумакова и др., посвящена поэтике одного из маргинальных жанров конца XVIII – начала XIX в. – литературного романа. В исследовании рассматриваются фрагменты работ теоретиков литературы конца XVIII – начала XIX в. (Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Г. Р. Державин, А. А. Писарев, Н. Ф. Остолопов, А. И. Галич и др.), посвященные жанру романа. На этом основании нами предпринята попытка определить репутацию этого жанра в литературоведении начала XIX в. Особое внимание уделено испанской (эпической) и французской (лирической) традициям развития романа, освоение которых привело к одновременному развитию жанровых модификаций общекультурного феномена «романс». Литературный романс как одна из таких модификаций развивался при соединении испанской и французской линий с преобладанием эпического начала.

Ключевые слова: жанр, литературный романс, традиция, репутация жанра.

E. V. Nikkareva

Theoretical Understanding of Romancy Genre in the Russian Literary Criticism of the XVIII – the beginning of the XIX century

Study of marginal genres of the Russian poetry nowadays is one of main tasks of literary criticism as their development had direct impact on "mainstream" formation, but also they developed under influence of the main genres. Our work which is developing in the course the genre researches of S. Ya. Senderovich, Yu. N. Chumakov, etc., is devoted to poetics of one of marginal genres of the end of the XVIII – the beginning of the XIX century – the literary romance. In the research fragments of works by theorists of literature of the end of the XVIII – the beginning of the XIX century (N. M. Karamzin, V. A. Zhukovsky, G. R. Derzhavin, A. A. Pisarev, N. F. Ostolopov, A. I. Galich, etc.) are considered devoted to the romance genre. On this basis we made an attempt to define reputation of this genre in literary criticism of the beginning of the XIX century. Special attention is given to Spanish (epic) and French (lyrical) traditions, implementation of them led to simultaneous development of genre modifications of the all-cultural phenomenon "romance". The literary romance as one of such modifications developed in combination of the Spanish and French lines with prevalence of the epic beginning.

Keywords: genre, literature romance, a tradition, reputation of the genre.

Романс зародился в конце XI в. в Провансе вместе с лирической поэзией трубадуров, тяготеющей к «твердым» каноническим формам. В это время романс представлял собой небольшое *лиро-эпическое* произведение, в котором повествование ведется *от первого лица*. Окончательно жанр сложился к XIV в. в испанском фольклоре, когда традиция испанского героического эпоса пришла в упадок, но его сюжеты продолжали разрабатываться в романах – коротких «лиро-эпических поэмах», во многом аналогичных североевропейским балладам, что не раз подчеркивали как зарубежные (Л. Уланд), так и русские (Г. Р. Державин, А. И. Галич) литературоведы. Однако, в отличие от баллад, романсы часто вы-

ступали как непосредственное и буквальное продолжение эпико-героической традиции.

Во второй половине XVIII в. через Францию романс как синтетический музыкально-поэтический жанр проник и в Россию и развивался в ситуации «жанрового континуума» (Ю. Н. Чумаков), в котором на равных правах сосуществуют песня, баллада, быль, сказка и сказочная новелла, легенда, поэма и анекдот, а также иные модификации романа (в том числе и исторические): sentimentalный романс, русский романс, городской (жестокый). Вследствие этого факта в русской традиции понимание жанра романа не было однозначным. По мнению С. С. Яницкой, «магистральным направлением эволюции жанра на русской почве стало напев-

но-мелодическое, любовно-лирическое» [13, с. 20], что проявилось, по ее мнению, в поэзии А. П. Сумарокова, однако уже среди ранних образцов с жанровой номинацией «романс» мы находим сочинения иного рода.

Целью данной статьи является осмысление теоретических взглядов на литературный романс в русском литературоведении конца XVIII–первой половины XIX в.

Научная новизна исследования определяется предпринятой попыткой создать такую жанровую модель, которая являлась бы не только отражением современных исследований в области литературного романса, но и результатом изучения истории его становления и развития, существующих на практике образцов произведений данного жанра.

Впервые упоминание о жанре романса мы находим у А. Кантемира в примечаниях к переводу трактата Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1730), где он дает пояснение относительно французского «романса» «Принцесса де Клев», предлагая определять романс через другой жанр баснь (повесть), тогда как в русской традиции еще не сформировался жанр романса.

Толкование понятия «романс» предлагает и Н. Г. Курганов в приложении к «Российской универсальной грамматике» (1769), при переиздании в 1777 г. получившей название «Письмовник»: «Романс, баснь, вымышленная повесть, сказка» [7, с. 408]. Для объяснения иноязычной лексики Курганов использует принцип подбора синонимов, что характерно для большинства лексикологических изданий XVIII в. При этом, поскольку данное издание было рассчитано на «массового» читателя, можно предположить, что жанровые номинации, используемые Кургановым, к моменту выхода «Письмовника» уже были, в отличие от романса, закреплены художественной практикой.

Близость стихотворной сказки и романса подтверждает художественная практика конца XVIII в. В качестве примера приведем историю публикации сказки Я. Б. Княжнина «Флор и Лиза». Впервые этот текст был напечатан в журнале «Санкт-петербургский вестник» в 1778, но в «Собрание сочинений Якова Княжнина» 1787 г. не вошел. При подготовке переиздания этого собрания в 1802 г. сын писателя – Александр Яковлевич – внес в данный текст изменения и включил его в собрание сочинений под заглавием «Наказанная неверность. Романс», но уже в третьем издании собрания сочинений данному

тексту было возвращено авторское заглавие. А. Я. Княжнин, относя к тексту жанровую номинацию «романс», вероятно, опирался на представление об этом жанре, закрепленное в энциклопедии Руссо и Мармонтеля, вписывая романс в парадигму лиро-эпических жанров и понимая под ним «жалостное повествование о каком-нибудь любовном несчастье окончившемся приключением» [10].

Термин «романс» употребляет в 1797 г. и Н. М. Карамзин в статье «Несколько слов о русской литературе» («Письмо в “Зритель” о русской литературе»): «*Есть у нас песни и романсы, сложенные два–три века тому назад, где мы находим самое трогательное, самое простодушное выражение любви, дружбы и проч. То пастушка оплакивает смерть своего возлюбленного, павшего в бою, его окровавленные одежды приносят ей, и она пытается смыть кровь своими слезами; то богатырь, странствующий рыцарь, скрепляет дружбу свою кровью <...> То это юный пастух, который воспевает счастье своих овец, <...> то несчастный изгнанник бежит общества, углубляется в темные леса, живет с дикими зверьми и находит, что они менее жестокосердны, нежели люди. Во всех этих песнях такт очень размерен и очень разнообразен, все они проникнуты меланхолией и склонностью к нежной грусти, которые свойственны нашему народу и прекрасно выражены в очень простых, очень унылых, но очень трогательных напевах» [6, с. 146–147]. Очевидно, что Н. М. Карамзин сближает песню и романс, но не отождествляет их (союз *и*, а не *или*), выделяя среди народных песен те, которые типологически соотносимы с европейским жанром романса. Необходимость подобной параллели, вероятно, объясняется тем, что статья была написана по-французски и впервые опубликована в журнале "Spectateur du Nord" («Северный зритель»), издававшемся в Гамбурге в 1797–1802 гг.*

В письме И. И. Дмитриеву от 16 ноября 1797 г. Н. М. Карамзин выделяет в песне и романсе план содержания, тематически ограничивая ту область российской действительности, которая могла бы попасть в поле зрения такого европейского жанра, как романс. Перечисленный им набор ситуаций в начале XIX в. будет активно разрабатываться в рамках литературного романса. Карамзин косвенно определяет и субъектную организацию романса, выделяя адресанта и адресата, который в ряде случаев формален (умерший возлюбленный, овечки), но именно его

судьба, эмоции, сознание становятся предметом речи. Интересно также и то, что Карамзин выделяет именно ту сюжетную ситуацию (*«пастушка оплакивает смерть своего возлюбленного, павшего в бою»*), в которой заложены основные потенции литературного романа, поскольку герои представлены различными культурными типами: рыцарь и пастушка (впоследствии действующий герой и чувствующая героиня), сюжетно задана ситуация смерти одного из героев, а также тот факт, что «драматизированный монолог» будет произнесен в кульминационный момент (узнавание о смерти возлюбленного). Кроме того, Карамзин указывает на формальные признаки жанра: интонационно-речевую, ритмическую организацию, а также настроение романсов и песен. Можно предположить, что интонация, близкая к элегической, и развернутая мелодика, характеризующие романс на русской почве, не только следствия влияния французской лирики, но и выражение «духа» русского народа и, как результат, формирующегося в рамках предромантизма принципа историзма. Данное предположение косвенно подтверждает и тот литературный контекст, в который Карамзин вписывает песню и романс: «рыцарские романы» и «стихотворные сказки» – это те литературные формы, в основе которых лежит народный эпос.

Работу В. А. Жуковского в балладном и романсном жанрах предваряет попытка определить специфику этих жанровых образований в теоретическом аспекте: *«Романс и Баллада суть не иное что, как легкие лирические повествования <...> – повествования, которых вся приятность зависит от искусства и живости повествователя»*. В отличие от предшественников, Жуковский учитывает и специфику читательского адреса этих жанров: *«Приятность и обманчивость сих рассказов зависят наиболее от того, когда читатель будет совершенно согласен, разумеется, на то время, в образе мыслей с поэтом или с представленным им лицом, <...> даст полную свободу впечатлениям неограниченно на себя действовать»* [5, с. 22]. Жуковский указывает и на ту особенность сюжетостроения романсов и баллад, которую исследователи XX в. будут определять как фрагментарность: *«стихотворец обязан пропускать все излишние подробности, большие намекать о некоторых обстоятельствах, нежели их описывать»* [5, с. 22]. Хотя поэт не разграничивает балладу и романс, но отмечает существование различных жанровых традиций в рамках национальных литератур: *«Множество*

романсов и баллад находим как у испанцев и французов, которых романсы однако не всегда повествовательные, так и у англичан, которые в сем роде поэзии, особливо в балладах ужасного содержания, могли бы получить первенство, когда бы немцы по праву его у них не оспаривали» [5, с. 23]. Теоретическое осмысление жанра Жуковский подкрепляет и собственными стихотворными опытами. Так, в 1808 г. он создает переводную балладу «Людмила» и оригинальный «Романс» («На верху горы утесистой...»).

Осмысление романса как жанра русской лирики мы находим в третьей части трактата Г. Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии» (1815 г. фрагменты), что достаточно поздно, так как в этот момент в литературе уже существует и активно развивается не только сентиментальный романс, но и лиро-эпическая разновидность романса, которую, как отмечает С. С. Яницкая, в русскую словесность ввели М. Н. Муравьев (но его баллада 1790 г. «Болезнь, король польский» вышла в свет только в 1810 г.) и Н. М. Карамзин, опубликовавший в 1792 г. собственный перевод старинного испанского романа «Граф Гваринос» (с подзаголовком «Древняя гишпанская историческая песня», а не «романс», как в оригинале)» [13, с. 19–20].

Г. Р. Державин определяет романс как «нечто похожее на поэму-сказку в народном духе». Этой же традиции в определении романса придерживается и А. Х. Востоков, который в «Опыте о русском стихосложении» (1817) в качестве синонимов употребляет термины *романс* и *повествовательная песня*. В своем творчестве Востоков также обращается к этому жанру, публикуя в 1806 г. текст под заголовком «Светлана и Мстислав. Древний романс, в четырех песнях» [3], что подчеркивает повествовательную (эпическую) природу текста. Впоследствии определение романс будет заменено им на богатырскую повесть, что, на наш взгляд, свидетельствует о неполной синонимии этих понятий и восприятию романса как чужеродного для русской культуры явления.

А. А. Писарев, «по просьбе Г. Р. Державина, для сравнения с другим переводом, у него находившимся», переводит из Пелица статьи «О существенных видах или Формах поэзии» и «О разделении Поэзии». Романс, или баллада, наряду с героической поэмой (эпопеей), драмой «со всеми частями своими» и романом, отнесен им к историческому роду поэзии: *«Романс, или Баллада основывается на приключении, которого описание содержит в себе смесь странного,*

удивительного, трагического или трагикомического и ужасного. *Стихотворец волен избрать для романа предмет комический, а для баллады трагический, и через то положить различие между романсом и балладою*» [9, с. 108]. Однако уже в следующей статье «О разделении Поэзии» приводит противоположное суждение: «*Романс. Краткое повествование в стихах о каком нибудь происшествии, по большей части печальном*» [9, с. 119]. А в переведенной с немецкого статье «О балладе» Писарев приводит признаки разграничения баллады и романа, к которым относит **субъектную организацию** («*В Романсе стихотворец говорит сам себе, в Балладе рассказывает он с участием чужое приключение в третьем лице...*»); **характер языка и повествования** (романс должен «*иметь два свойства: простоту и краткость...*»), а также **способ воздействия на читателя** («*Цель Романа есть возбудить сострадание <...> Баллада же ищет рассказом своим занять слушателя и нравиться свободною игрою многих впечатлений...*») [9, с. 135–136]. В качестве образцов романа А. А. Писарев предлагает «Велизария» А. Ф. Мерзлякова и «На потопление Ф. Дубянского» Г. Р. Державина.

Близким к пониманию жанра романа Г. Р. Державиным, А. Х. Востоковым, А. А. Писаревым и С. П. Шевыревым оказывается определение В. Г. Белинского в работе «Разделение поэзии на роды и виды» (1841): «К эпическим произведениям принадлежат еще *дума, баллада и романс*» [1, с. 516]. Он предлагает разграничение баллады и романа на основании сочетания эпического и лирического элементов, характерного для обоих жанров, что отражается и в объеме текста. Подобное разделение, но в упрощенном варианте, когда во внимание принимался только размер произведения, было предложено еще в «Словаре древней и новой поэзии» (1821) Н. Ф. Остолопова, который попытался также отграничить романс от другого родственного ему жанра – песни: «*Романс. Род Песни, или Баллады, следовательно, принадлежит к Лирической поэзии. <...> Главное отличие Романа от простой песни состоит в том, что автор описывает в нем не свои собственные чувствования или приключения, а другого лица, которое иногда выражает оное песнею; с Балладою же различествует одною своею краткостью* [8, с. 54]». Однако принцип разграничения баллады и романа, в основе которого лежит только объем, не вполне соответствует той художественной практике, ко-

торая сложилась в России на рубеже XVIII–XIX вв. (ср. «Романс» («На верху горы утесистой...») и балладу «Светлана» Жуковского).

Стоит отметить, что в сознании русских теоретиков начала XIX в. романс существует как жанр, тогда как в Испании, где романс существовал с XI в., – это одна из форм строфы. Понимание романа как одной из основных форм испанской поэзии закрепляется и в учебниках XIX в. (С. Шевырев «История поэзии...» (1835) [12], М. Тулов «Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии» (1853) [11]).

Но не все теоретики XVIII в. выделяли балладу и романс как самостоятельные жанры. Так, по утверждению И. Рижского, романс, как и баллада, – это род песни [10, с. 260]. Но Рижский, давая характеристику этому жанру, ссылается на энциклопедию Руссо и Мармонтеля, поэтому мы можем утверждать, что он говорит не о собственно русской модификации данного жанра. При этом исследователь отмечает одну из важнейших особенностей романа – установку на чужое, воспринимающее сознание.

К характеристике романа обращается А. И. Галич в работе «Опыт науки изящного» (1821) [4], которая создавалась как учебное пособие, и к уже известным нам песне и балладе добавляет третий жанр – элегию. Галич также отмечает лиро-эпическую природу романа, но с преобладанием лирической составляющей, что, возможно, было обусловлено спецификой понимания русскими романтиками народной поэзии в целом, но он связывает этот жанр не с древностью, как это было у предыдущих исследователей, а непосредственно с современной ему романтической традицией.

Русские исследователи от философско-эстетической составляющей жанра и его генезиса приходят к осмыслению конкретного материала, но также пытаются определить тот жанровый контекст, на фоне которого происходило формирование новой традиции. Причина различного понимания жанра романа, вероятно, определяется прежде всего наличием двух параллельно развивающихся ветвей: «испанской» и «французской», которые в равной степени стали опорой для формирования литературного романа в России. Зародившись во Франции в XII в., романс представлял собой одну из канонических форм, для которой характерно было преобладание любовной тематики, повествование от первого лица, а также принадлежность к лиро-эпическим жанрам. Интересен тот факт, что, не-

смотря на упоминание о существовании жанрового канона, в научно-исследовательской литературе не приводится подробного описания данной поэтической формы.

На основании изучения истории романса, а также точек зрения на этот жанр литературоведов XIX в. мы можем говорить о существовании в России той жанровой модификации «романса» как общекультурного феномена, которую можно определить термином «литературный романс». Однако в связи с тем, что эта жанровая модификация была освоена русской поэтической системой на рубеже XVIII–XIX вв., когда уже начала разрушаться классицистическая система жанров, принципы ее существования невозможно ограничить понятием жанрового канона. На наш взгляд, в данном случае правомернее будет говорить о так называемой «репутации жанра», основанной на понятии памяти жанра, так как «романтики подвергли сомнению не сами по себе жанры, а канонические границы между ними» [2, с. 362].

Жанровая модификация литературного романса не является сугубо русским феноменом, но начавшийся в эпоху романтизма процесс деканонизации жанров позволил ему среди других национальных традиций выбрать свой путь развития. Романс, существующий на русской почве в первой половине XIX в., может быть рассмотрен как самостоятельное явление, в котором можно также выделить две традиции: испанскую (эпическую) и французскую (лирическую), – при этом собственно литературный романс развивался при соединении этих линий с преобладанием эпического начала.

В области высокой поэзии преобладает тенденция сближения романса с лиро-эпическими жанрами (баллада, былина), а следовательно, на первый план выходит сюжетность текста, но подчеркивается необычность событий (чудесное, сказочное начало), в центре повествования оказывается культурный герой (богатырь, рыцарь, волшебник). В народной поэзии, в музыке, а также при стилизации фольклорных текстов, напротив, преобладает обращение к французской традиции (сентиментальный романс). Но в условиях разрушения жанровых канонов происходит размывание границ жанра, следовательно, ни одна из существующих традиций не развивается изолированно. В результате, жанр литературного романса соединяет в себе не только две различные ветви, но и черты других лирических жанров

(элегия, песня, баллада), испытывая влияние различных направлений и школ.

Обращение к литературной практике, как видно на примере работы с романсами конца XVIII в., позволяет скорректировать представления теоретиков об этом жанре, чтобы впоследствии сформировать доминантное ядро жанра литературного романса.

Так, литературный романс конца XVIII – начала XIX в. – лиро-эпическая модификация жанра романса, эпическая составляющая которого подчинена лирической. Для него характерна сюжетность, но особого рода, так как это не только и не столько наличие событийного ряда, сколько развитие романсной ситуации на фоне развертывания лирического чувства, поэтому событийность в романсе представлена в первую очередь как рассказ о событии, особенностью которого является фрагментарность, нарушение причинно-следственных связей. Событием чаще всего оказывается ситуация разлученности героев, что определяет субъектную организацию романса: повествование чаще всего ведется от первого лица и обращено к отсутствующему или мыслящему как отсутствующий адресату, с которым героя однако объединяет совместное «переживание» происходящего, поэтому формально текст часто построен как «половинка диалога», следовательно, можно говорить о драматизации лирической формы. Для романса также характерны событийность как рассказ о событии, фрагментарность особого рода, эстетизация чувства (как вариант любовного), строфическая организация и развернутая мелодика.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Разделение поэзии на роды и виды [Текст] / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Эстетика и литературная критика. – М., 1959.
2. Бройтман, С. Н. Деканонизация жанров в поэтике художественной модальности [Текст] / С. Н. Бройтман // Бройтман С. Н. Историческая поэтика. – М., 2001.
3. Востоков, А. Х. Опыты лирические... [Текст] / А. Х. Востоков. – СПб., 1806. – Ч. 2. – С. 81–97.
4. Галич, А. И. Опыт науки изящного, начертанный А. Галичем [Текст] / А. И. Галич. – СПб.: В тип. Департамента Народного Просвещения, 1825.
5. Жуковский, В. А. На что делать примечания к эшенбургской теории [Текст] / В. А. Жуковский // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – Т. 12. Эстетика и критика. – М.: Языки славянских культур, 2012.

6. Карамзин Н. М. Несколько слов о русской литературе [Текст] / Н. М. Карамзин // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. – Т. 2: Стихотворения. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского». – М.; Л.: Художественная литература, 1964.

7. Курганов, Н. Г. Присовокупление VII. Словарь разноязычной, или толкование Еврейских, Греческих, Латинских, Французских, Немецких и прочих иноземных употребляемых в русском языке, и некоторых Славянских слов [Текст] / Н. Г. Курганов // Российская универсальная грамматика, или всеобщее письменное, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. – СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1769.

8. Остолопов, Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии [Текст] : в 3 ч. / Н. Ф. Остолопов. – СПб., 1821.

9. Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и в прозе военных литераторов, собранные А. Писаревым [Текст]. – М., 1825. – Ч. 2.

10. Рижский, И. Наука о стихотворстве [Текст] / И. Рижский. – СПб., 1811.

11. Тулов, М. Руководство к познанию родов, видов и форм поэзии [Текст] / М. Тулов. – Киев, 1853.

12. Шевырев, С. П. История поэзии [Текст] : чтения адъюнкта Московского университета Степана Шевырева / С. П. Шевырев. – Т. 1. – М.: Тип. Августа Семена, 1835.

13. Яницкая, С. С. Эволюция жанра романа в лирике А. А. Дельвига [Текст] / С. С. Яницкая // Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики : сборник научных статей. – СПб., 2008.

Bibliograficheskij spisok

1. Belinskij, V. G. Razdelenie poezii na rody i vidy [Tekst] / V. G. Belinskij // Belinskij V. G. EHs-tetika i literaturnaya kritika. – М., 1959.

2. Brojtman, S. N. Dekanonizatsiya zhanrov v poehtike khudozhestvennoj modal'nosti [Tekst] / S. N. Brojtman // Brojtman S. N. Istoricheskaya po-ehatika. – М., 2001.

3. Vostokov, A. KH. Opyty liricheskie... [Tekst] / A. KH. Vostokov. – SPb., 1806. – CH. 2. – С. 81–97.

4. Galich, A. I. Opyt nauki izyashhnogo, nachertannyj A. Galichem [Tekst] / A. I. Galich. – SPb.: V tip. Departamenta Narodnogo Prosveshheniya, 1825.

5. ZHukovskij, V. A. Na chto delat' primechaniya k ehshenburgovoj teorii [Tekst] / V. A. ZHukovskij // ZHukovskij V. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. – Т. 12. EHstetika i kritika. – М.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2012.

6. Karamzin N. M. Neskol'ko slov o russkoj literature [Tekst] / N. M. Karamzin // Karamzin N. M. Izbrannye sochineniya: v 2 t. – Т. 2: Stikhotvoreniya. Kritika. Publitsistika. Glavy iz «Istorii Gosudarstva Rossijskogo». – М.; Л.: KHudozhestvennaya literatura, 1964.

7. Kurganov, N. G. Prisovokuplenie VII. Slovar' raznoyazychnoj, ili tolkovanie Evrejskikh, Grecheskikh, Latinskikh, Frantsuzskikh, Nemetskikh i prochikh inozemnykh upotreblyaemykh v russkom yazyke, i nekotorykh Slavyanskikh slov [Tekst] / N. G. Kurganov // Rossijskaya universal'naya grammatika, ili vseobshhee pis'moslovie, predlagayushhee legchajshij sposob osnovatel'nogo ucheniya russkomu yazyku s sedm'yu prisovokupleniyami raznykh uchebnykh i polezno-zabavnykh veshhej. – SPb.: Tipografiya Morskogo kadetskogo korpusa, 1769.

8. Ostolopov, N. F. Slovar' drevnej i novoj po-ehzii [Tekst] : v 3 ch. / N. F. Ostolopov. – SPb., 1821.

9. Kaluzhskie vechera, ili Otryvki sochinenij i perevodov v stikhakh i v proze voennykh literatorov, sobrannye A. Pisarevym [Tekst]. – М., 1825. – CH. 2.

10. Rizhskij, I. Nauka o stikhotvorstve [Tekst] / I. Rizhskij. – SPb., 1811.

11. Tulov, M. rukovodstvo k poznaniyu rodov, vidov i form poezii [Tekst] / M. Tulov. – Kiev, 1853.

12. SHEvyrev, S. P. Istoriya poezii [Tekst]: chteniya ad"yunkta Moskovskogo universiteta Stepana SHEvyreva / S. P. SHEvyrev. – Т. 1. – М.: Tip. Avgusta Semena, 1835.

13. YAnitskaya S. S. EHvolyutsiya zhanra romansa v li-riке A. A. Del'viga [Tekst] // Russkaya slovesnost': problemy ehvolyutsii i poehtiki: Sbornik nauchnykh statej. – SPb., 2008.